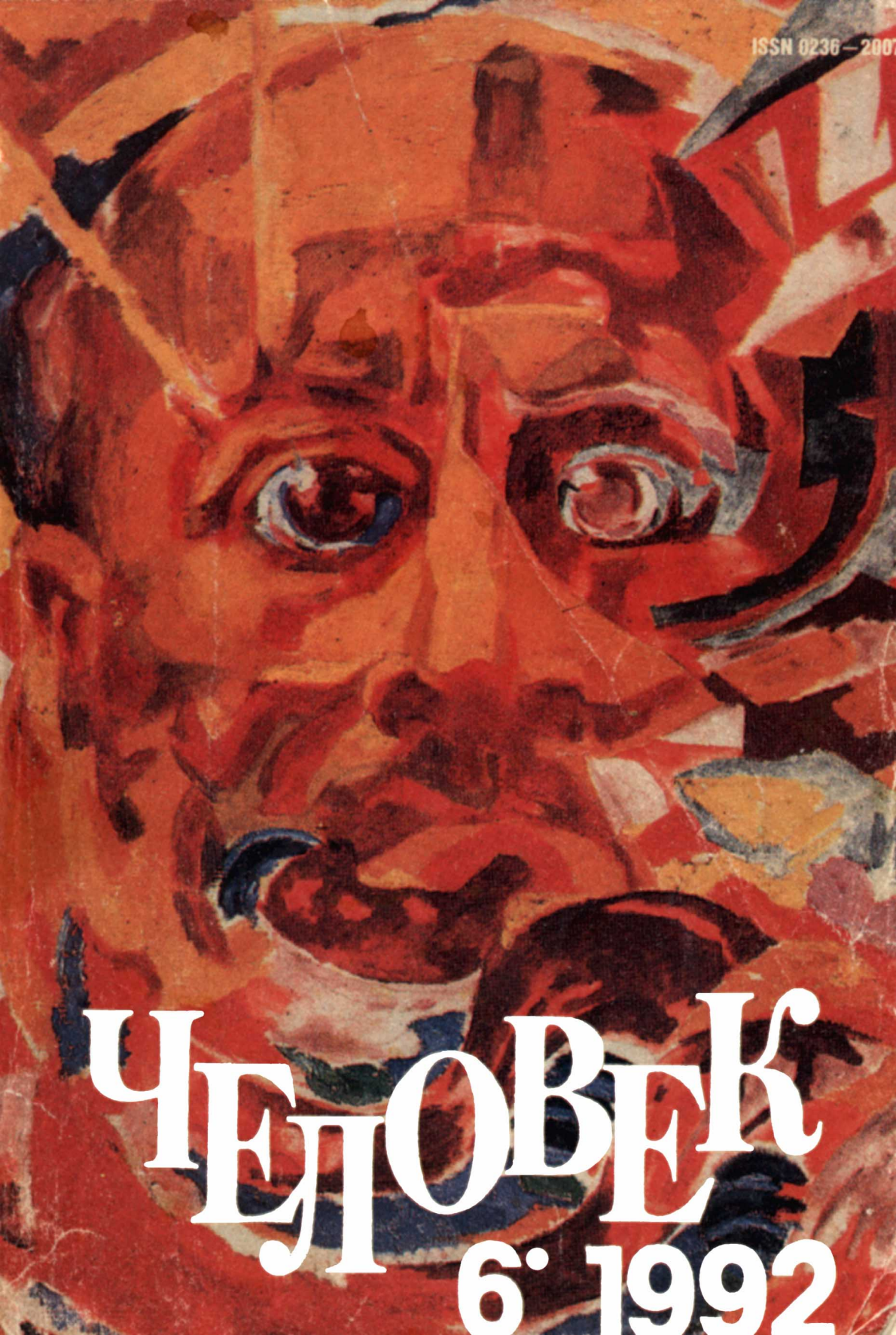
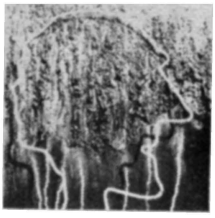
ISSN 0236—2007



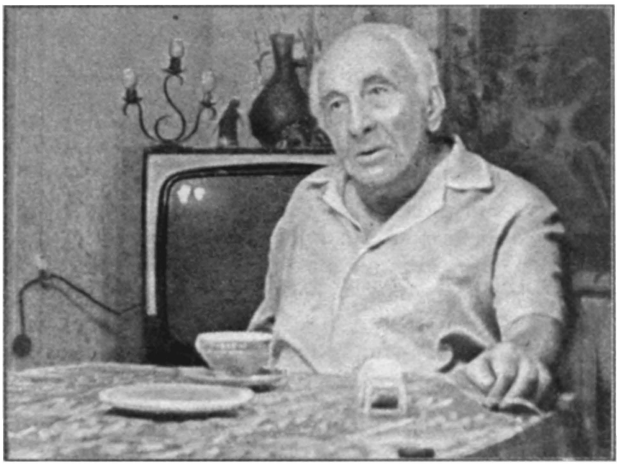
ЧЕЛОВЕК

6 · 1992



ФОНОГРАФ

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим



Н. В. Тимофеев-Ресовский дома во время беседы. Обнинск. 1974 г.

Окончание. Начало в №№ 2—6, 1991 и 1—5, 1992.

© Научной библиотеки МГУ.

Мои предки

Родился я в 1899 году 7 сентября по старому стилю. У меня почему-то так и в паспорте 7 сентября осталось. Родился в Москве на Остоженке, во Всеволожском переулке, в котором жили мои предки по материнской линии. Мать моя урожденная Всéволожская. По сути говоря, Всеволожские все родственники. Позже они разделились на две ветви, петербургскую и московскую. Московские Всеволожские иногда назывались поместными Всеволожскими, считались старшей ветвью и презирали немножко петербургских Всеволожских, потому что Всеволожские — петербургская ветвь — пошли служить к Романовым, а это, по тогдашним понятиям, считалось ниже всеволожского достоинства.

Тимофеевы довольно сложного происхождения, более, по дворянской линии, молодого. Они стали калужскими дворянами лишь со времен Алексея Михайловича. До того неизвестно, чем и кем они были. Добавление Ресовские появилось после того, как один из Тимофеевых женился на последней в роду Ресовской. Были такие мелкопоместные дворяне на реке Рéсе, которая впадает в Угру, а Угра в Оку, а Ока в Волгу, а Волга в Каспийское море. У них одни девки были, а сына ни одного не было. И отцу страсть как жалко было фамилию. И он поставил условие... Тогда, значит, и прицепили моему пращуру

«Ре́совского». Потом, по интеллигентности, они стали прозывать себя Ресо́вскими. А они, вообще, Ре́совские.

Тимофеевы, так же как и Всеволожские, те, из которых складывались мои предки по отцовской и материнской линии, были, в основном, жителями Калужской губернии. У Всеволожских были имения и в других местах, в Симбирской губернии и еще где-то, но последние поколения жили в Калужской губернии. И я в значительной мере вырос в Калужской губернии. Во времена моего детства чаще всего мы проводили лето на границе Мещовского и Массальского уездов Калужской губернии, в именьице Коне́цполье или Конецпо́лье, по-разному произносилось. Невдалеке, верстах, наверное, осьмнадцати—двадцати от Конецполья было именьице Тимофеевых, но совершенно запущенное, там давно уже никто не жил, а был такой хутор небольшой. Ансютино, Хишутино тож, называлось оно. Но жили мы всегда в Конецполье, в имении Всеволожских.

Отец мой был довольно занятным человеком. Он окончил Петербургский университет физико-математический факультет математиком и астрофизиком. Был оставлен при университете. Поехал собирать материал для магистерской диссертации на какие-то там астрономические противостояния или на какую-то иную ерунду, в мире происходящую, вернулся... Диссертацию-то он защитил, но пришел в ужас от земли нашей и решил: чего там небом заниматься, когда земля в полном дизордере — никаких средств сообщения и сплошное неудобство. И поступил в тогда только что реорганизованный знаменитый Петербургский институт инженеров путей сообщения, который закончил, сколько помнится, в два года, потому что ему почти все физические, математические и механические дисциплины были зачтены. И с тех пор всю жизнь проработал инженером путей сообщения, чистым строителем. Он только строил железные дороги и никогда не работал на эксплуатации. Построил он в бывшей Российской империи около 15 000 верст железных дорог и был крупным инженером-путейцем, создавшим своего рода практическую школу инженеров.

Надо сказать, что у меня в родословной последних поколений одна существенная, по-моему, особенность: мои ближайшие предки и с материнской, и с отцовской стороны очень поздно женились и выходили замуж. Обе мои бабушки и с отцовской, и с материнской стороны родились в предпоследний год царствования Александра I, в 1824 году. А бабушка, при которой я, собственно, вырос, Всеволожская, мать моей матери, умерла при Ленине, 95 лет отроду. Так что для меня, в отличие от моих сверстников, XIX век не был историей. Отец, правда, умер рано, как раз на Рождество 1913 года, на 64 году жизни.

Усугублялась моя близость с XIX веком тем, что как раз в Конецполье Калужской губернии, в именьице моего деда Всеволожского жили на покое три старых человека: бывший повар, бывший звонарь и церковный сторож и бывший садовник. Они еще моим дедом были, так сказать, переведены на пенсию. Дед для них три таких домика, хуторка, построил на усадьбе, и они там жили. Жили и жили. И умерли все в начале первой мировой войны, в 14—15 году. Один, самый младший, в возрасте 110 лет, второй — что-то 113 или 114, а старшему было 116 лет. Все трое вывозились в Москву в 1912 году на столетие Отечественной войны и получили какие-то бронзовые медали в память 12 года с текстом: «Не нам, не нам, а имени Твоему!» Что это значило, я так никогда и не мог выяснить. А так как я был старшим в своем поколении, то они очень меня любили, эти три старца, и я сколько

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим

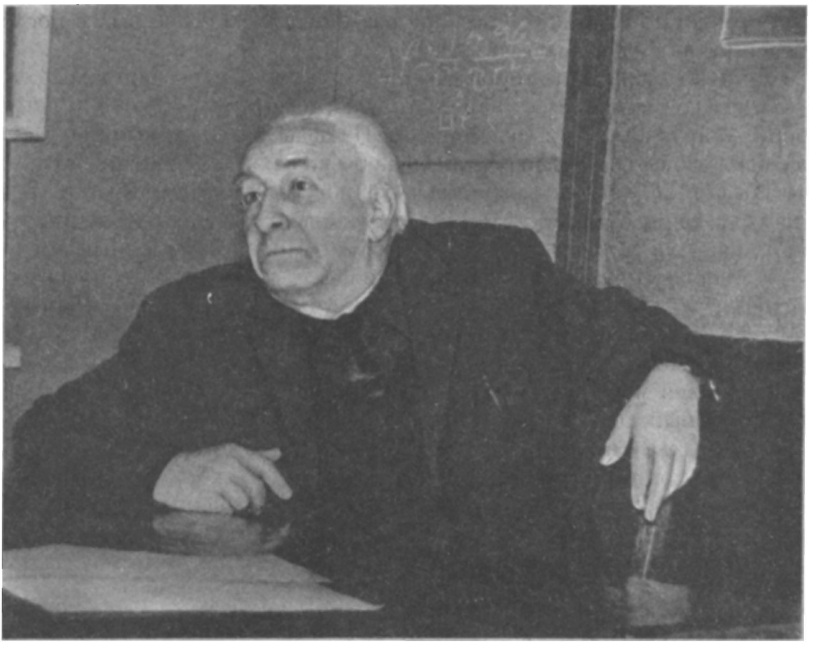
себя помню, по крайней мере пару раз в неделю должен был в послеобеденное время с ними пить чай.

Они по очереди в хорошую погоду друг у друга собирались в садике, совместно пили чай, который им готовила с моей точки зрения старушка, а с их точки зрения Надька, Надежда, которой тогда уже было далеко за 80, но для них она была девчонка, конечно, потому что когда они были уже взрослые мужики, она еще голопузая бегала. Она была нянькой моей матери, тоже уже жила на покое. Так вот эта Надежда, три старца и я с ними часто пили послеобеденный чай, и я слушал их рассказы, воспоминания, начиная с наполеоновских времен. И для меня это была не история, а современность. Я это потом очень резко ощущал в гимназии среди своих товарищей по классу. Для моих сверстников XIX век был историей. Ну, конечно, не так, как у теперешней молодежи, для которой что время японской войны, что Иван Грозный, примерно одно и то же — давно прошедшие времена. Сейчас, к сожалению, дети, молодежь, теряют историческую перспективу и ощущение времени. Так же как из-за плохого преподавания географии теряют и ощущение пространства в значительной мере. В наше время этого, конечно, не было, но все-таки для моих товарищей XIX век — это была история по Платонову, а для меня — нет. Для меня — воспоминания вот этих старичков.

Теперь мне хочется вспомнить про двух чудаков из моих предков, как по материнской, так и по отцовской линии, живших в осьмнадцатом веке. Один из них был Всеволожский. Всеволожские — это древняя русская фамилия, никогда не выплывавшая, так сказать, в большие воды на самый верх, но иногда процветавшая, потом на пару столетий перестававшая процветать и бедневшая, потом опять богатевшая. Вот одной из невест Грозного была Всеволожская, которую отравили или что-то с ней сделали, вроде как с «царской невестой» в опере Римского-Корсакова. Затем во времена Петра один из молодых Всеволожских тогдашних полюбился Петру и был послан им за границу в числе молодых людей, которые должны были там изучить военное дело и кое-какие науки. Вернувшись, он стал работать, семейные предания не сохранили подробности, в каких областях он работал, но, по-видимому, процветал. У него был дом в Петербурге новом, тогда только что возникшем, в петровском Петербурге.

Кстати, замечу, сейчас большинство русских людей молодого поколения думает, что Петр выстроил себе новую столицу и назвал ее в свою честь. А это совсем не так. Он назвал ее в честь Святого Петра, а не в свою честь. Так вот, жил этот Всеволожский в Петербурге, обзавелся семейством, чадами и домочадцами и процветал. Процветал он и при Екатерине I. А вот когда после нескольких приключений обосновалась Анна Иоанновна, вернее, Бирон, временщик при ней, появилась тайная канцелярия. Бирон и ряд фаворитов из немцев стали преследовать русских как раз передовых, объевропеившихся русских, так сказать, учеников Петра. Попал в немилость и Всеволожский. Но ему вовремя было донесено, что он будет арестован, и в одну прекрасную ночь он с чадами и домочадцами драпанул в неизвестном направлении на всей своей лошадиной тяге. И исчез.

Оказалось, что у Всеволожских были какие-то совершенно дикие земли в Нижнем Заволжье, так сказать, на границе с тогдашними Киргиз-кайсацкими ордами. И вот туда он драпанул. А так как он был очень хороший человек, по-видимому, и хороший барин, то из всех его имений и именьиц стали драпать мужики. Тем более, что Бирон реквизировал все имения Всеволожских. Вот в этих заволжских зем-



Н. В. Тимофеев-Ресовский читает свою последнюю лекцию на физическом факультете МГУ

лях он и обосновался в качестве независимого такого князька. Вел он жизнь занятную. Народу у него собралось достаточно, и он поставил себе целью обезопасить торговые пути из России в Бухару, в Хиву и вообще в Среднюю Азию, которые тогда грабили различные хивинцы, кокандцы, всякие полубесхозные и полудикие среднеазиатские полукочевники. Значит, он со своими казаками сражался с этими среднеазиатцами.

А для души у него было другое занятное занятие. Когда он узнавал, что на Волге где-нибудь сажали комендантом, или губернатором, или еще каким-нибудь начальником в каком-нибудь городе немца, он со своими казаками город сей брал штурмом, этого немца сек публично на городской площади и с великим срамом отпускал на все четыре стороны, а сам смывался обратно. Власти как-то его просмотрели: и изящная Елисавет, севшая потом на престол, и матушка Екатерина. Досидел он там до десятого десятка, 90 лет пережил, во всяком случае. И кончил тоже очень чудно́. Был ранен тяжело в бою с какими-то бухарцами, туркменами, хивинцами далеко от дому, за несколько сот верст. Но верхом, поддерживаемый своими конниками, доехал живым до дому и дома помер. И приказал похоронить себя в очень красивом месте. Там, в Заволжье, протекают и до сих пор никуда не впадающие реки, Большой и Малый Узень, в пески уходят. Вот в овраге, по которому Малый Узень протекал, и была, по-видимому, усадьба этого самого Всеволожского. На его склоне, в очень красивом месте, он и велел себя похоронить.

Сперва мой дед, потом бабка разыскивали это место и нашли. И в 1911 году я вместе с бабушкой ездил туда уже конкретно разыскивать могилу эту. И нашли камень, на котором тогдашним языком было высечено, что «здесь покоится Иван Васильев Всеволожский, кой по проискам прохвоста курляндского Бирона принужден был бежать из Санкт-Петербурга, осел в здешних местах, всю жизнь сражался с хи-

винцами и охранял торговые караваны. Смертельно будучи ранен в бою с хивинцами, скончался волею Божью, прибыв домой...» Я уж забыл когда. И бабушка поставила там простенькую ограду вокруг памятника.

Еще одним чудаком из Всеволожских был младший брат моего деда, которого я еще застал и хорошо знал. Брат моего деда был морским офицером и всю свою жизнь прожил холостяком. Он отличился в турецкую кампанию 76—77 года на Кавказе и на Черном море. Он на Черном море успешно применил брандеры против турецкого флота, тогда, в основном, еще деревянного. Брандер — это лодка парусная небольшая, к длинному бушприту которой впереди присобачена была бомба. Два добровольца — один офицер и один матрос по положению — садились в эту лодку при попутном ветре и, подыскивая подходящие условия, разгонялись полным ходом против неприятель-

Банкет в честь 70-летия Николая Владимировича. Слева направо: Б. Л. Астауров, Ю. И. Полянский, Н. В.Тимофеев-Ресовский и Б. С. Матвеев

ского корабля, который по ним палил с переменным успехом. Но они обыкновенно успевали боднуть его в бок этой бомбой. Это было главное дело — боднуть его бомбой, которая взрывалась и разбивала корабль.

Это не всегда кончалось смертью добровольцев. Заблаговременно они выскакивали в море и вплавь старались спастись. Так произошло и с этим моим внучатым дядюшкой, братом моего деда. Повезло им очень. Он и матрос умудрились взорвать таким образом флагманский линейный турецкий корабль. Потом сиганули, значит, в море, до взрыва еще. Это было недалеко от берега пустынного. Они выбрались на какую-то косу и, в общем, спаслись. За это моего внучатого дядюшку наградили, по преданию, золотым Георгиевским оружием, и солдатским Георгиевским крестом, и офицерским Георгием IV степени, белый крестик такой. Ну, и Георгиевским крестом, конечно, матроса, который с ним был. После этого мой дядюшка очень быстро карьеру начал делать. Тогда он был не то капитаном II ранга, не то капитан-лейтенантом, а потом сразу сделался капитаном I ранга, потом контр-адмиралом, вице-адмиралом, и наконец, полным адмиралом и вышел в отставку.

Был он знаменит вот еще чем. В конце XIX века, в 80-е годы, будучи уже вице-адмиралом или полным адмиралом, он со своей учебной флотилией находился в Средиземном море в учебном плаваньи. Шли они от порта к порту, останавливались, потом шли к следующему порту. И так доехали до Тулона. А недалеко от Тулона, во-первых, Ницца, а во-вторых, Монте-Карло. И он решил попробовать игрануть. Считался он человеком бедным по тем временам, никаких капиталов у него не было. Жалованье, конечно, адмиральское. Но адмиральское жалованье не делало человека богатым. Адмирал полу-

чал какие-то 5—6 тысяч в год. Ведь и министерские жалованья в царское время были не очень высокими. Вот инженеры-строители, мой отец, например, двойное министерское жалованье получал, 24 тысячи в год. Это, действительно, человек делался богатым. Профессор Московского университета, ординарный профессор, получал, по-моему, 5 000 или 4 500 в год.

Так вот, он отправился, значит, в Монте-Карло, взял с собой какое-то количество золотых двадцатифранковых и десятифранковых монет и решил их проиграть. Он не был игроком и, вообще, никакого вкуса к игре не чувствовал, но никак не мог долгое время проиграть эти свои франки. А потом вдруг пошло, и пошло, и пошло. И с ним приключилась довольно редкая история: он сорвал банк в Монте-Карло. Сорвать банк — это значило выиграть какую-то очень большую сумму, не помню — три миллиона или пять миллионов франков. Одним словом, на этот день банк прекращал платежи, до следующего дня закрывалась вся эта игорная музыка. Ну, выплатили ему эти деньги. Он послал длинную телеграмму братцу своему, моему дедушке: «Присмотри недалеко от Конецполья, я помню, есть хорошее имение, я любые деньги заплачу...»

Написал и отправил, к счастью, по телеграфу несколько тысяч франков на срочные нужды по именьицу деду моему, своему брату, у которого он обыкновенно жил во времена отпуска и когда делать было нечего. И поехал дальше со своей эскадрой, от порта к порту. Был он не пьяница, так, выпить мог, конечно. Какой же моряк не пьет. Но, вообще, он был не игрок, не пьяница, не кутила. Но, приезжая в порт, он открывал рестораны для местного населения на день, на два, кое-где даже на три. То есть все могли пить, есть, а расплачивался он. Когда я с родителями уже в XX веке бывал за границей, то в некоторых портах на Адриатике, особенно в Италии, мы еще заставали людей, которые помнили, как viconto Russo открывал ресторан. Это были самые последние 80-е или начало 90-х годов. Одним словом, дед мой получил уже из Константинополя телеграмму: «Вышли сто рублей». Адмирал умудрился на кормежке туземцев спустить все эти миллионы франков, но, действительно, прославил русское имя на долгие годы во всей южной Европе. Вскоре он вышел в отставку полным адмиралом, Высокопревосходительством и всякая такая штука, с орденом Георгиевским и со всеми положенными очередными орденами. Я несколько раз его видел в парадной форме...

Последний случай с ним был такой. Уже на моей памяти. Это было где-то в 1906—1907 году, после революции пятого года. В Калуге сидел какой-то отвратный губернатор из балтийских немцев. Земцы тогда изо всех сил старались завести ветеринарные пункты по всей губернии, а этот губернатор им чинил препятствия. Я помню, они собирались обыкновенно у деда. Дед мой был старым деятелем крестьянских реформ и типичный такой общественник. Он уже заводил всякие земские заведения в Калужской губернии и, вообще, был либерально-прогрессивная личность. А адмиралу, конечно, было наплевать, в общем. Он только прислушивался ко всем этим делам. И в один прекрасный день не выдержал и сказал: «Что вы, дураки, шибздики, языками чешете? Надо завести ветпункт». А те говорят, что губернатор не позволяет. «Ну, так надо заставить его».— «Как мы можем заставить губернатора?» — «Я,— говорит,— вам все это сделаю».

Л. А. Зенкевич (слева) и Н. В. Тимофеев-Ресовский

И действительно, на следующей неделе велел заложить большую карету четвериком. На козлы сел кучер, на запятки — бывший матрос, его вестовой, а в карету он велел рядом с собой посадить из чистеньких и хороших полдюжины овец. И поехал в Калугу. В Калуге подкатил к губернаторскому дому. Там увидели, что приехала карета и из нее вылезает в полном параде полный адмирал, Высокопревосходительство. Сразу сообщили губернатору. Он даже выбежал на самое крыльцо, значит, приветствует: «Прошу, прошу, Ваше Высокопревосходительство...» и т. д. Высокопревосходительство вошло, значит, в переднюю и говорит (у него всегда была привычка сановных чиновников средней руки называть на «ты»): «Мне,— говорит,— сообщили, что ты против ветеринарных пунктов. Почему?» Губернатор начал что-то лепетать. Он говорит: «Ну, это все чепуха, надо ветеринарные пункты вводить. Так как ты этого не хочешь, то я привез полдюжины своих овец к тебе лечиться». И говорит своему матросу: «Ну-ка, выводи их». И тот стал одну за другой на тротуар выгружать этих самых адмиральских овец. «Раз ты против ветеринарных пунктов — тогда лечи сам». Ну, тут губернатор стал опять лепетать что-то извинительное, говорит: «Меня неправильно поняли». Адмирал говорит: «От тебя только бумажка с разрешением требуется, больше ничего».— «Так я готов».— «Завтра будет?» — «Будет, конечно». На этом адмирал погрузил своих овец обратно в карету и поехал разыскивать «шибздиков» — земских деятелей, которых пригласил на обед в хороший ресторан. Они прекрасно поели, попили. И адмирал только наказал, чтобы завтра непременно сходили к губернатору за бумагой и нарочным ему сообщили, все ли в порядке. На следующий день по приезде домой адмирал получил письмо с нарочным, что губернатор выдал бумагу, разрешающую заведение во всех уездах губернии ветеринарных пунктов. Все в порядке.

И вскоре он кончил жизнь самоубийством. Отпраздновав свое 85-летие, он привел все свои дела в полный порядок и застрелился из казенного револьвера системы «бульдог». Он всю жизнь говорил, что он не хочет быть стариком и кому бы то ни было в тягость. Когда почувствует, что состарился, он застрелится. Как-то никто всерьез этого не принимал, но он доказал, что это совсем всерьез. Действительно, прожив 85 лет, он, по-видимому, не чувствовал себя старым. А тут решил, что жизнь пошла на закат — взял и застрелился. Чтобы облегчить похороны, конечно, от каких-то врачей были получены свидетельства о том, что затмение ума какое-то у него или произошел несчастный случай при чистке револьвера, я уж не помню точно, какую-то бумажку получили и со всеми почестями похоронили, так сказать, в пределах кладбища.

Я вам рассказал уже про чудака Всеволожского в XVIII веке, который, удрав от Бирона, потом на Волге сек комендантов из немцев. В те же времена с отцовской стороны был занятный Тимофеев. Он был моим... дед... прадед... прапрадед... Моим прапрапрадедом он был, пожалуй. Его, как и Всеволожского, Петр I отправил за границу учиться каким-то наукам, кажется, землемерию и геодезии. Вернувшись, он всю жизнь протрубил, в сущности, землепроходцем. С частями казаков ходил на освоение восточносибирских, камчатских земель. Но чудак он был преизрядный. Он очень интересовался всякими науками, путешествиями, и сам что-то такое придумывал в области физической географии и смежных дисциплин. Старым уже человеком, лет под 75, он в чине бригадира вышел в отставку и поселился в своем маленьком имении в Калужской губернии, Ансютино, Хишутино тож. И продолжал заниматься последней заинтересовавшей его проблемой — проблемой Гольфстрима.

Надо сказать, что он собрал замечательную библиотеку на английском, немецком, голландском и испанском языках, не считая русского. Часть ее до самой революции сохранилась уже в имении Всеволожских Конецполье. Главным образом книги XVII, XVIII века из области географии, путешествий, описаний народов, природоведения в широком смысле слова, минералогии, зоологии, ботаники. И вот, в различных источниках, преимущественно иностранных, он собрал сведения о дебите этого самого Гольфстрима, то есть сколько Гольфстрим несет вначале вод и куда они деваются. И пришел к заключению, что известные уже в ту пору три основных северных, северо-восточных конечных ветвей Гольфстрима, так сказать, не покрывают весь приход теплой воды. И что должно быть еще какое-то ответвление у Гольфстрима, уходящее куда-то на север между Шпицбергеном и Новой Землей (Шпицберген тогда назывался Грумант) или на восток от Груманта. Ну, в районе того, что мы сейчас знаем под именем Земли Франца-Иосифа. И что если там есть острова, а почему бы им там не быть, там должен быть вполне приличный климат. Теплые острова. Вот он развил эту гипотезу теплых островов и решил проверить ее. Было это так примерно в 70-е годы XVIII века. Заложил он свое именьице, что мог, попродал, кликнул своих казачков, кто помоложе. К нему собралось более полусотни казаков. Они отправились в Архангельск. Он снарядил там три шняки каких-то. И отправились они в арктическую экспедицию мерить Гольфстрим и открывать теплые острова. И пропали. А через шесть лет он и почти все казаки, погибло очень немного, вернулись со славой из турецкого плена.

Оказывается, с ними произошли следующие приключения. Ехали они помаленьку на север к кромке полярных льдов, проделывали

посильные промеры температуры и мощности отдельных потоков Гольфстрима. Пращур мой, по-видимому, убедился в том, что был не прав и что, в общем-то, никаких неучтенных потоков Гольфстрима нету. Так добрались они почти до Груманта, где их подхватили штормы и вынесли в северную Атлантику. Через некоторое время их выбросило на берега Нормандии или Бретани во Франции. Ну, несколько человек потонуло, но почти все вылезли на скалы французские и отправились в Париж. Там, вместо того, чтобы через российского посланника возвернуться домой, пращур вспомнил второе свое хобби географическое — он всегда интересовался Северной Африкой. А французы в те времена начали пробовать коммерчески осваивать теперешние Марокко, Алжир, Тунис — северо-западную Африку. Атласские горы были тогда населены дикими племенами, и туда европейцы практически не проникали. Пращур мой сговорился с какими-то французскими коммерсантами, что он примет участие в их экспедициях в качестве, так сказать, военного конвоя и ученой части.

Так и получилось. Они отправились в пределы теперешнего Марокко, углубились туда и, конечно, наткнулись на всяких марокканцев и прочих людей. Их били, били, гнали и где-то в Атласских горах, в конце концов, всех забрали в плен. Французских коммерсантов частью порешили, а казачков-то во главе с моим пращуром просто забрали в рабство. И помаленьку стали продавать все дальше и дальше на восток, покуда все они не оказались на рабском рынке в Александрии египетской. Там они в качестве рабов на этом рынке содержались. Пращур мой и его казаки, однако, каким-то образом завязали связи с единоверными греками, коих в Александрии египетской было много, целая греческая слобода. И греки — этого уж фамильное предание не упоминает — то ли выкрадывали, то ли выкупали этих рабов помаленьку, одного за другим. Одним из первых выкупили моего пращура, старика, он по дешевке шел, ему уже под 80 было.

В конце концов единоверные греки вместе с моим пращуром уже всех казачков, около полусотни, значит, выкупили, освободили из рабства. Жили они там у греков и увидели в один прекрасный день великолепную бригантину или фрегат турецкий военный, стоящий в гавани мирно, отдыхающий. Команда вся на берегу наслаждалась жизнью, а на военном судне были только часовые. Они тогда вместе с несколькими единоверными греками темной безлунной ночью на лодках подплыли к турецкому кораблю, влезли на борт, часовых скинули в море, подняли паруса и ушли на этом турецком корабле в море.

Проделали они это потому, что узнали в Александрии, что матушка Екатерина находится в состоянии очередной войны с Турецкой Портой, то есть была какая-то очередная русско-турецкая война. И они стали каперствовать. В те времена можно было каперствовать. Каперы — это были частные суда, которые принимали участие в военных действиях на одной из воюющих сторон. Из награбленного вражеского имущества определенный процент сдавался воюющей стороне, а остальное оставалось, значит, в пользу капера. Так они около двух лет прокаперствовали в Эгейском море. Война шла, по-видимому. Они особенно этим не интересовались. Судно оказалось очень удачным, крайне быстроходным, для каперства как раз очень подходящим, команда, эти землепроходцы-то, всякого повидали. Им покаперствовать в теплом море... Да еще с ними были единоверные греки, природные моряки. Так что все это было хорошо устроено, пока они не напоролись на превосходящие силы турецкого флота. Были окруже-

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим

ны. После легкой перестрелки утоплен был их фрегат, но почти никто не был убит. Выловили их из теплой воды эгейской и взяли уже не в рабство, а в плен. Настоящими военнопленными стали и были посажены в какую-то крепость, или лагерь, или черт знает что, в окрестностях Константинополя. И тут опять помогли единоверные греки. Ведь тогда греков было в Турции сколько угодно, греки страдали под турками и мечтали освободиться.

Вот с помощью единоверных греков они опять начали один за другим убегать из плена. По-видимому, охраняли их не Бог весть как. Тогда все время войны шли, всяких военнопленных сидело всюду много, и полсотни больше, полсотни меньше — там не уследишь. Одним словом, все они в конце концов опять подрапали из плена. Греки их переправили на тот берег в Малую Азию, и они еще долгое время, сколько, я уж не знаю, не помню, ну, что ли партизанили, а попросту разбойничали в горах Анатолийского побережья Черного моря, пока не увидели в некой бухте, я так и не установил в свое время, какая это была бухта, увидели мирно стоящие на якоре два турецких судна военных: большой линейный корабль, новенький совсем, и фрегат. Команда опять же веселилась на берегу, часовые охраняли эти суда. Греки раздобыли лодок рыбацких. И вся эта ватага, посев в лодки, причалила ночью к кораблям, забралась на борт, побросала часовых в море, как и раньше дело было, подняла якоря и паруса и уплыла к своим северным берегам.

В то время Потемкин, князь Таврический, формировал российский императорский черноморский флот в низовьях больших рек, там, где Херсон, Николаев. Вот в один прекрасный день два турецких военных корабля, однако под русскими флагами, прибыли к русским берегам. Произвело это некоторое смятение, потому что, прежде всего, решили, что, прикрывшись русским флагом, турки диверсию учиняют. Но тут же на морском языке, сигналами морскими, с кораблей вкратце пояснили, кто они такие и откуда. Они были впущены в порт и тут рассказали уже все, что с ними происходило. И было всеобщее веселье и торжество и великое водкопитие, конечно, так как тут уже были не какие-нибудь басурмане, турки, а православные люди, которые могли вполне уже выпить.

Высланы были тотчас и гонцы в Петербург, к матушке Екатерине. И матушка Екатерина милостиво распорядилась: у благополучно возвернувшегося из турецкого плена бригадира Тимофеева пригнанные им из Турции турецкие военные корабли приобрести по сходной цене и включить в состав Российского императорского флота. Бригадиру же Тимофееву дать чин генерал-адъютанта, перепрыгнув через генерал-майора. Благодаря этому сей Тимофеев возместил, в сущности, свои траты и убытки на арктическую экспедицию, которую можно считать не вполне благополучно окончившейся, получил через чин генерал-лейтенанта, вполне превосходительной особы, и вернулся к себе в именьице, выкупил его, обстроился, укомфортабился и надо сказать, что с тех пор, а когда он вернулся, ему уже 81 год был, он больше в экспедиции не пускался. А мирно дожил и помер в высоких уже годах, в конце девятого десятилетия, в своей постельке.

В моих предках не только тот полный адмирал Всеволожский был, но и по отцовской линии, Тимофеевы разбавлялись морскими кровями. В XVIII веке в моих предках числится генерал-адмирал Синявин, тот, который кильватерную колонну придумал. Заменил голландский рассеянный бой кильватерной колонной. До этого сражались голланд-

Николай Владимирович у себя дома. 7 сентября 1980 г.— последний день его рождения

ским методом, общей кучей. А ежели в кильватерной колонне, то можно использовать полный бортовой залп. И бил он, значит, неприятеля бортовыми залпами с огромным успехом, пока первыми англичане, а за ними и шведы, и голландцы не переняли бортовой залп.

Затем следующим хронологически был Головнин. Он был кругосветным путешественником, три года просидел в плену у японцев. Затем второе кругосветное путешествие совершил и воспитал всю плеяду наших знаменитых адмиралов XIX века во главе с Лазаревым. Лазарев его ученик был. А сестрой Головнина была моя прапрабабка.

Следующий по возрасту был уже, пожалуй, Нахимов. Он прославился в Севастополе тем, что его убили, преимущественно. А до того он весьма здорово турок бил на море и выиграл знаменитый Синопский бой. Сестрой Нахимова была уже моя прабабка.

И последний знаменитый был Невельскóй. Он двоюродный брат моей бабушки уже по материнской линии. Невельской был замечательный человек. Он был исследователь и, как известно, присоединил к России незаконно Дальний Восток, за что был разжалован в матросы. Его разжаловали потому, что присоединил он земли без разрешения Нессельроде, у нас его звали Кисельвроде, или кого-то из этих немецких министров иностранных дел, который страшно боялся конфликтов с какой-нибудь державой. Он же Амур взял. И Амур, и вдоль Сахалина прошел: Николаевск-на-Амуре основал. И пока он плавал, его жена там управлялась. Она, собственно, командовала в Николаевске, и вообще, была замечательная баба.

По фамильной легенде, Невельской был вызван в Петербург, во дворец. На крыльце его Николай I встретил и сказал: «Здорово, матрос Невельской!» Он в матросы был разжалован. «Следуй за мной!» В следующей комнате сказал: «Здорово, боцман Невельской!» Потом в следующей комнате: «Здорово, мичман Невельской!» И так до своего кабинета. А в кабинете пожал ему руку... А он был капитан I ранга. «Поздравляю тебя с контр-адмиралом!» Не то, чтобы Николаю очень уж Невельской нравился, но от него утаили всю эту штуку дальневосточную. А он не любил таких фокусов.

Все, что я вам теперь рассказываю, я знал не только из воспоминаний бабки, деда и всех родственников старшего поколения, но и из всеволожского архива в Конецполье, куда попал и архив Тимофеева. Там была и коммерческая переписка по снаряжению полярной экспедиции, закладыванию именьица и все прочее. Затем переписка о приобретении у Тимофеева государыней турецких кораблей и пожаловании ему чинов, орденов и пр. Для всяких экономистов там тоже интересный был материал: были хозяйственные книги конторские примерно с петровских времен. Это интереснейшая штука. Можно было кучу кандидатских и даже несколько докторских диссертаций сделать на этом материале. Кроме всей этой естественно-исторической и географической литературы, о которой я уже говорил, библиотека была еще замечательна тем, что там были все толстые журналы с середины осьмнадцатого века без перерывов. Просто был приказ выписывать все толстые русские журналы, всякие «Северные пчелы», «Полярные сияния», петербургские альманахи, вплоть до XX века, до всякого «Русского богатства», «Русской мысли» и «Вестника Европы», не считая всего прочего там: собраний сочинений на разных языках всяких классиков и т. д. И все это было в 1914 году пожертвовано Румянцевской библиотеке, теперешней Ленинской. И тут началась война.

Но оказывается, пожертвовать не так-то просто. Для этого на столь замечательный дар должна была воспоследовать благодарность правительства и Государственной Думы. А Государственная Дума и правительство в это время войной занялись, и им было не до книжек. И поэтому все это затянулось и затухло. А потом началась революция. Опять не до книжек. Тут опять-таки мать и бабушка, я-то воевал, а они опять через Бонч-Бруевича стали действовать, через Луначарского, но местные власти не отдавали. А в именьице был совхозик устроен. Им там директорок был поставлен. И он проворовался шибко сильно. И вот в 21 году он именьице все сжег. Облил керосинцем и бензинцем все, что мог, и дом, и конюшни, и амбары, поджег — и смылся. И библиотека вся сгорела к чертям собачьим, документы, архивы — все. Ну, да Бог с ними! Помните:

«Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.»

Материал подготовлен М. В. РАДЗИШЕВСКОЙ.